

На следующее утро Цзян Тинчжоу привычно проснулся в половине шестого. Внутренние часы работали без сбоев — многолетний режим так просто не изменишь.

Он, как обычно, сходил на утренний рынок за завтраком. Сегодня ему достались на редкость удачные печеные лепешки — сладкие, с начинкой из финикового пюре и красных бобов. К ним он взял стакан теплого арахисового киселя. Плотный завтрак приятно согрел изнутри, наполнив тело такой бодростью, что казалось — выйди сейчас в поле, в одиночку вспашешь гектар.

Погода выдалась славная, в самый раз для работы на участке.

Проделав утренний получасовой комплекс гимнастики бадуньцзинь, Тинчжоу взялся за книги, как и намечал в своем расписании. Он углубился в практическое руководство по земледелию, затем посмотрел несколько обучающих видеороликов в сети и старательно законспектировал основные моменты.

Следом он сходил в магазин за лопатой, мотыгой и прочим садовым инвентарем. Первым делом нужно было перекопать участок. По плану ему полагался полуденный сон, но уснуть Тинчжоу так и не смог. Поворочавшись для приличия минут десять, он решительно поднялся с постели.

Он и раньше никогда не спал днем. Здоровые привычки, конечно, штука хорошая, и прививать их себе нужно, но торопить события не стоило.

Подготовив все необходимое, он принялся за дело. Рабочие, нанятые для ремонта, хоть и привели двор в порядок, но земля здесь слишком долго стояла заброшенной. Любую неводеланную почву требуется сначала перекопать, насытить воздухом, очистить от старых корней сорняков и только потом удобрять — иначе хороших всходов не видеть.

Одними томатами сыт не будешь, поэтому Тинчжоу решил посадить немного быстрорастущей зелени — ее можно срезать уже через пару недель. Благо и семенами он запасся заранее.

Правда, поначалу непривычные инструменты валились из рук. За два часа упорного труда он едва осилил крошечный клочок земли, но постепенно все же принововился, сообразив, как правильно распределять усилия, чтобы не перегружать спину. Закончив с грядкой, он посеял семена нежного бок-чоя и потянулся за лейкой.

Увлеченный работой, он ни на что не отвлекался и уже собирался закончить дело одним махом, как вдруг со стороны улицы донеслись голоса. В том, что мимо забора кто-то ходит, не было ничего удивительного, но этот тонкий, вкрадчивый голосок Тинчжоу узнал бы из тысячи.

Кричали из-за калитки:

— Брат! Ты здесь?

Это был Цзян Ю.

Тинчжоу мысленно усмехнулся: семейка Цзян все-таки выследила его.

Цзян Ю явился не один. Вся их компания насчитывала пять человек. Они ввалились в переулок шумно и бесцеремонно, заполнив собой все пространство — точно вестники чумы, чье появление невозможно проигнорировать при всем желании.

Отец семейства не соизволил приехать сам — видимо, гордость не позволила снизить до личного визита. Вместо себя он прислал личного секретаря в сопровождении вице-президента компании, господина Чэня, который приходился отцу каким-то дальним кузеном. Замыкали шествие двое громил, подозрительно похожих на вышибал, а впереди всей этой процессии с самым невинным видом шел Цзян Ю.

Высокие кованые ворота были заперты изнутри, так что незваные гости топтались снаружи, разглядывая двор сквозь чугунные прутья. Цзян Ю, без сомнения, заранее раздобыл адрес, но, увидев хозяина дома, растерялся и не сразу признал в нем брата.

Последние несколько дней Ли Сюй всюду трезвонил на каждом углу, будто Цзян Тинчжоу уволился и уехал из города. Он расписывал его положение в самых мрачных красках — сломленный, несчастный, потерявший всякую надежду бедолага. Старые завсегдатаи ресторана, наслушавшись этих басен, искренне сокрушались, решив, что шеф-повар больше никогда не вернется к плите.

Главный ресторан «Императорский пир» снова открыл двери, но без Тинчжоу качество блюд покатилося по наклонной, и поток гостей заметно поредел. Тем временем этот хитрый старый лис Ли Сюй с большой помпой вложился в другое элитное заведение. Чтобы заманить туда богатых гурманов, он выставил в главном зале фамильную ценность Цзянов — императорскую обеденную чашу семейства роз. План сработал безупречно: заведение мгновенно оказалось у всех на слуху.

Однако «тяжело больной», «сломленный судьбой» Цзян Тинчжоу, которого все уже мысленно похоронили, стоял посреди огорода в заляпанной грязью футболке и с подвернутыми штанинами. На голове у него красовалась простецкая соломенная шляпа, на ногах — дешевые шлепанцы, а тяжелую мотыгу он держал с таким хладнокровием, будто при желании мог без труда проломить ею чей-нибудь череп.

Лишь когда он вскинул голову, позволив рассмотреть свое лицо, Цзян Ю окончательно убедился, что перед ним действительно его брат. Сглотнув застрявший в горле ком, он нерешительно выдавил:

— Брат...

Тинчжоу ждал их визита, поэтому ничуть не удивился. Он лишь коротко и емко бросил:

— Пошли вон.

Цзян Ю не выказал обиды. Вцепившись в кованые прутья, он заговорил — пылко, жалостливо, будто исходил искренней заботой:

— Брат, я ведь специально приехал за тобой. Хватит уже воевать с семьей. Ну да, у отца вспыльчивый характер, но он ведь переживает за тебя! Он только и делает, что ищет тебя с того самого дня, как ты ушел. У мамы и так здоровье слабое, а тут еще в компании кризис... Неужели у тебя сердце не болит смотреть на то, как рушится наш дом? Столько дней прошло, все уже успокоилось. Возвращайся со мной. Место вице-президента по-прежнему ждет тебя. Клянусь, я никогда не стану претендовать на твою долю!

Остальные поспешили закивать, наперебой подхватывая его сладкие речи:

— Господин вице-президент, уход такого мастера из «Императорского пира»... да что там, из всей корпорации — это сокрушительный удар для нас! Компания просто не выживет без вашего руководства!

— Вы ведь единственный законный наследник господина Цзяна. Негоже бросать семейное дело на произвол судьбы.

— Тинчжоу, если тебя что-то задело, ты только скажи. Ян Цзиньхао и вся его клика уже уволены с треском! Отныне вся сеть «Императорский пир» переходит под твой личный контроль. Никто больше не посмеет усомниться в твоём авторитете, обещаю.

Но Тинчжоу на эту дешёвку не купился. Он лишь презрительно сощурился, с размаху вогнал мотыгу глубоко в податливую землю и, опершись на черенок, уставился на стоявших у ворот:

— О как. Значит, вы все-таки прекрасно понимали, что в компании меня ни во что не ставили?

Гости разом притихли, растерянно переглядываясь.

Тинчжоу больше не собирался стесняться в выражениях. Дав волю накопившемуся яду, он хладнокровно продолжил:

— Когда я сутками пропадал на работе и не показывался дома, никто обо мне не вспоминал. А тут вдруг выясняется, что без меня вся огромная компания Цзян и шагу ступить не может? Не знал, что несколько сотен сотрудников нашей почтенной компании — сплошь бездельники и тунеядцы, умеющие только даром проедать бюджет.

Цзян Ю перекосило. Не успел он раскрыть рот, как вперед нетерпеливо вылез вице-президент Чэнь. Его лощеное лицо покраснело от гнева, и он сорвался на крик:

— Цзян Тинчжоу! Что это за тон?! Ты сам на совете директоров продвигал проект для передачи «На кончике языка»! Теперь директор Цинь зажала нас в тиски, требуя результатов, а ты умыл руки и сбежал? Оставил нас расхлебывать кашу? Мало того, ты еще и семейную реликвию умудрился сбыть с рук! И после этого у тебя хватает наглости стоять тут и препираться с нами?! Да ты просто...

— Дядя Чэнь, не надо, пожалуйста! — взмолился Цзян Ю, перебивая его и хватая за рукав. — Не разговаривайте так с моим братом. — Он снова повернулся к Тинчжоу, его глаза подозрительно заблестели. — Брат, я знаю, ты злишься на меня. Если ты согласишься вернуться, я готов на все. Пожалуйста, помоги семье выбраться из этой ямы. Неужели ты успокоишься только тогда, когда отец с матерью слягут от инфаркта?

Цзян Ю лебезил вовсю, под конец его голос жалобно сорвался на рыдания. Тинчжоу предпочел бы проигнорировать этот дешевый спектакль, но балаган у ворот затянулся, и из-за соседских заборов уже начали с любопытством выглядывать местные жители.

Место хоть и казалось глухим, но дома вокруг пустовали редко. Тинчжоу планировал обосноваться здесь надолго, а портить отношения с соседями из-за грязных семейных разборок совсем не хотелось. Стоило позволить слухам расползтись — и спокойной жизни в переулке придет конец.

— Если ты не пойдешь с нами, мы отсюда никуда не уйдем! — подали голос стоящие у ворот мужчины. Чугунные створки нутужно загремели под их напором. — Цзян Тинчжоу, немедленно отпирай!

Тинчжоу безучастно наблюдал за этим штурмом. Своей работы он, впрочем, не прерывал: пока они надрывали глотки, он успел аккуратно распределить семена по лункам и слегка увлажнить почву из лейки. Закончив все дела, он неторопливо подошел к воротам, волоча за собой мотыгу, и уставился на визитеров в упор:

— Ладно вам надрываться. Самим-то не надоело разыгрывать этот дешевый фарс? Вы ведь меньше всего хотели моего возвращения. Особенно ты, Цзян Ю. Но реальность оказалась сурова: твои повара, да и ты сам, оказались настолько бездарны, что семейство Лу просто вышвырнуло вас вон. Вот и пришлось бежать ко мне на поклон, верно?

Он покинул Пищевую компанию Цзян в понедельник. Ли Сюй, как и ожидалось, оправдал свою репутацию недержания на язык — на это Тинчжоу и рассчитывал. Как только новость дошла до ушей этого сплетника, о его уходе мгновенно узнала вся кулинарная тусовка города и постоянные клиенты. Все поняли: Тинчжоу окончательно порвал с семьей. Теперь Цзяны больше не могли прикрываться его именем, что избавляло его от кучи потенциальных проблем в будущем.

Связей у клана Цзян в Юнцине хватало, и при желании они могли вычислить его новое пристанище за пару часов. Однако они объявились только в пятницу, спустя почти пять дней. Все это время они взвешивали риски и судорожно искали альтернативу.

Программа «На кончике языка» сулила невероятные перспективы, и Цзян Ю кожей вылезал, чтобы прибрать этот шанс к рукам. Добровольный уход старшего брата казался ему благословением небес — он наверняка готов был праздновать победу салютами. Вот только за эти дни они, должно быть, испробовали все возможные варианты и с треском провалились, не сумев выдать блюда нужного уровня. Осознав, что без Тинчжоу им не пройти жесткий отбор, они решили вернуть его силой.

— Какое еще «недостаточное мастерство»?! — взвился кузен Чэнь. — Ты просто утаил от нас свои секреты! Наверняка у твоих хваленых блюд есть какая-то тайная рецептура, о которой ты нам не рассказал! Иначе почему у наших поваров не получается воссоздать этот вкус?!

Стоящие у забора продолжали надрывно орать:

— Послушай меня, щенок! Ты носишь фамилию Цзян, а значит, все твои рецепты принадлежат семье! Ты умышленно скрываешь семейное достояние, и у нас есть полное право забрать тебя отсюда! Да мы затаскаем тебя по судам, ты у меня по миру пойдешь!

Тинчжоу лишь молча наблюдал, как тот исходит пеной от злости. На его губах заиграла едва заметная, издевательская усмешка, и он тихо, но отчетливо выплюнул прямо в багровое лицо родственника:

— Бездари.

— Ты кого так назвал, паршивец?!

— Если вы не способны переварить правду, это исключительно ваши проблемы, — ровно отозвался Тинчжоу. — Никаких секретных рецептов нет и никогда не было. Я показывал вам каждый шаг десятки раз. Но если вы настолько тупы, что не смогли запомнить простейшие основы кулинарии, а теперь притащились сюда скулить и кланяться помощи... Кто вы после этого, если не бездари?

Эти слова окончательно сорвали у Чэня резьбу. Он бешено зыркнул на сопровождавших его громил и рывком приказ ломать замок. Старая ржавая щеколда на калитке вряд ли могла долго сопротивляться грубой силе.

— Живо взламывайте! Сегодня мы заберем его отсюда, хочет он того или нет! — не унимался вице-президент. — Я возвращаю блудного племянника в семью, закон на нашей стороне!

Тинчжоу поудобнее перехватил мотыгу, свободной рукой нашаривая в кармане телефон, чтобы набрать номер экстренной службы. На козырьке крыши висела камера видеонаблюдения, оставшаяся от прежнего хозяина. Если эти идиоты ворвутся на его территорию, любые его действия по защите частной собственности будут расценены законом как самооборона при разбойном нападении.

Он прекрасно знал, на что способны эти люди, и был готов к худшему. Проучить их один раз так, чтобы мало не показалось, спустить с них спесь на глазах у полиции — отличный план. Даже если он переломает им кости, закон защитит его.

Теперь ему нечего было бояться.

Семья Цзян дорожила своей репутацией превыше всего. Если дело дойдет до арестов, он приложит все усилия, чтобы утащить за собой на дно Цзян Ю. Столкнувшись с угрозой публичного скандала, они поджали бы хвосты и больше никогда не сунулись бы к его порогу.

Один раз пережить эту грязь ради вечного спокойствия — сделка более чем выгодная.

Цзян Ю для вида попытался удержать громил, но его хлипкие руки едва ли могли остановить тренированных мужчин. Поняв, что силой тут ничего не сделать, он запричитал еще громче:

— Брат, не глупи! Подумай о родителях, подумай о семье Лу! Даже если ты ненавидишь нас, к Лу ты всегда относился с уважением... Лу...

Его уговоры лишь подстегнули подручных Чэня — ломик в их руках завертелся быстрее, замок жалобно хрустнул. Но на полуслове Цзян Ю осекся. Скользнув взглядом куда-то в сторону переулка, он резко побледнел, и его голос сорвался на испуганный писк:

— Господин... Молодой господин Лу!

Оба вышибалы, сопевшие над замком, не успели даже сообразить, что происходит, как их руки профессионально скрутили за спину и прижали лицами к пыльной земле.

Остальные члены делегации испуганно обернулись, и их мгновенно прошиб холодный пот.

Из глубины переулка донесся ледяной, властный голос:

— С каких это пор семья Лу раздает вам подобные приказы?

С того места, где стоял Тинчжоу, улица за воротами просматривалась плохо — мешал высокий забор. Он слышал лишь этот голос и видел, как резко переменились в лице его незваные гости. Цзян Ю и вовсе стал белее мела.

Тинчжоу не нужно было видеть вошедшего, чтобы понять, кто явился.

— Брат Байюй, я... я совсем не это имел в виду! Я правда пытался их остановить! Просто дядя Чэнь и остальные погорячились, вспылили... — залепетал Цзян Ю, стремительно теряя самообладание. Его голос задрожал от подступающих слез. — У нас с Тинчжоу вышло небольшое недоразумение, и мы решили...

Однако Лу Байюй даже не взглянул в его сторону. Его ответ прозвучал сухим, безжалостным щелчком кнута:

— Вон отсюда. Оба.

Цзян Ю вздрогнул всем телом и мгновенно прикусил язык, не смея издать больше ни звука.

Тинчжоу так и застыл с занесенным над экраном пальцем, а затем медленно убрал телефон обратно в карман. Вызывать полицию больше не требовалось.

Он с усмешкой наблюдал, как недавние агрессоры, только что брызгавшие слюной у его забора, убираются восвояси под конвоем крепких парней, поджав хвосты словно побитые собаки. Изуродованная калитка безвольно приоткрылась от легкого толчка ветра, и в проеме показался Лу Байюй. Он неторопливо шагнул во двор и остановился напротив хозяина дома.

Они не виделись целую вечность.

Глядя на мужчину, Тинчжоу поймал себя на мысли, что тот кажется ему почти чужим. Первое, что бросилось в глаза — его волосы. Сейчас они были идеально черными. В прошлой жизни Лу Байюй не дожил и до сорока, но к тому моменту его виски уже покрыла густая, беспрепятственная седина.

Глупо отрицать: Байюй по-прежнему оставался чертовски хорош собой. Судя по всему, он только-только вернулся из-за границы, но многочасовой перелет и бесконечные деловые встречи ничуть не сказались на его внешности. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь ветви деревьев, золотили его безупречный силуэт, заставляя невольно задерживать взгляд. Он всегда умел приковывать к себе внимание.

— Тинчжоу, — Лу Байюй пристально, с ног до головы, оглядел его. В глубине его темных глаз скользнула неприкрытая боль. — Ты очень сильно похудел.

Услышав этот тихий, знакомый голос, Тинчжоу еще острее осознал: все это происходит наяву. Он действительно получил второй шанс.

В той жизни их разрыв оказался настолько грязным и болезненным, что они превратились в заклятых врагов. Когда спустя несколько лет судьба случайно свела их на светском рауте, они даже не смогли выдать из себя банальное приветствие. Все закончилось очередной вспышкой ярости прямо посреди ночи на парковке.

Тинчжоу тогда отделался легким испугом, а вот его личный секретарь угодил на больничную койку. У самого же Лу Байюя на лбу остался глубокий багровый шрам, который не удавалось скрыть никакими средствами. После того случая весь Юнцин окончательно уверился, что эти двое готовы перегрызть друг друга глотки при первой же возможности.

Об их тайном романе когда-то знали единицы, зато их публичная вражда стала главной темой для сплетен во всех светских салонах. Идеальное доказательство того, что их связь была чистейшей воды проклятием, злым роком.

И надо же было такому случиться: время повернулось вспять, и Лу Байюй снова стоит перед ним, разговаривая этим мягким, щемящим тоном.

С ним Байюй всегда общался иначе, чем с остальным миром. Гораздо мягче, ласковее — точь-в-точь как в те годы, когда Тинчжоу видел в нем надежного, заботливого старшего брата. Его помощники и охрана бесшумно отступили в конец переулка, оставив их наедине.

Байюй сделал шаг навстречу. Тинчжоу отбросил в сторону лопату и быстро пошел в его сторону.

Мужчина замер, непроизвольно приоткрыв объятия. Он был уверен, что Тинчжоу сейчас прижмется к нему всем телом.

Ведь раньше все происходило именно так.

На людях Тинчжоу всегда тушевался и дичился прикосновений, но стоило им остаться без свидетелей, как он превращался в ласкового, беззащитного котенка. Он утыкался носом в шею Байюя, шептал, как сильно скучал, и густо краснел от собственной смелости.

Пусть сейчас Тинчжоу выглядел совсем не так, как в их прошлую встречу — в этой нелепой соломенной шляпе, с испачканным землей лицом, похожий то ли на чумазого беспризорника, то ли на сосланного в деревню интеллигента, — после долгой разлуки любящим сердцам полагалось упасть в объятия друг друга.

Но объятий не последовало.

Тинчжоу хладнокровно обошел растерявшегося мужчину кругом и стремительно опустился на корточки возле забора. Там, прямо у калитки, зеленели крошечные побеги томатов. Он бережно осмотрел нежные листики и, лишь убедившись, что во время потасовки их не растоптали, с облегчением выдохнул.

Вчера, высаживая рассаду, он совершенно не подумал о безопасности и приткнул ее у самого входа. Громилы из его прежней семейки разворотили замок и едва не ворвались во двор — на земле возле грядки до сих пор виднелись отпечатки тяжелых ботинок. Будь они чуть менее аккуратны, его драгоценным помидорам пришел бы конец.

А этих паразитов уже увели. И даже заставить их возместить ущерб теперь не получится.

Тинчжоу аккуратно подгрел пальцами влажную землю к беззащитным стеблям, подлил еще немного воды и мысленно твердо решил: при первой же возможности нужно пересадить рассаду в более безопасное место.

Поднявшись, он подошел к садовому крану, тщательно смыл грязь с рук и только после этого соизволил удостоить гостя взглядом:

— Что привело молодого господина Лу в наши края?

Лу Байюй, так и оставшийся стоять с пустыми руками, растерянно моргнул. Он впервые слышал этот сухой, отстраненный тон от человека, который еще недавно смотрел на него с обожанием.

— Тинчжоу... — тихо спросил он, и в его голосе промелькнула обида. — Неужели ты теперь всегда будешь разговаривать со мной как с чужим?

Тинчжоу удивленно приподнял бровь:

— Я ведь предельно ясно дал понять, что мы расстаемся. Отправил тебе сообщение, даже попросил секретаря Сун передать это лично. Ты ведь не глупый человек, Байюй, наверняка все прекрасно понял. Каких еще объяснений ты от меня ждешь?

<http://bllate.org/book/19956/1995107>